

Изъ ростовской старины.

(Томилушкина воспоминаиия).

№ 61. VI.

Возвращаясь къ прерванному воспоминаиию о ростовскомъ театрѣ. И locality упоминаю объ Иванѣ Ивановичѣ Витязѣ, капельмейстерѣ и хормейстерѣ, сподвижникѣ Вальново. Отъ сдѣланнаго правленія его разбилъ парализъ и его замѣнилъ Ягелъ. Другой сподвижникъ Вальнова, съ перваго далъ выступленія его на авторепереруку арены, его главный поощитель, и мать режиссера, и мать администратора, Федотъ Андреевичъ Флаенитъ (по театру Бенцки), урмичевъ Ростова, первоначально выступилъ въ 1863 году, въ качествѣ актера, и когда театръ перешелъ въ Вальново—перешелъ къ нему и Бенцки и пробывъ у него до отъѣзда въ Ростовъ. Въ первые годы службы у Вальнова, будучи помощникомъ режиссера, Бенцки еще иногда появлялся на сценѣ, но съ того момента, когда Вальново обнулъ духъ оперетками и постановка пьесъ стали болѣе сложной, Бенцки сталъ невнимателенъ къ публики, но несостоятельно-полезнымъ сценическимъ дѣятелемъ. Рвѣннй, грубоващій, но очень добрый по натурѣ, онъ пользовался всеобщей любовью знавшихъ его, въ особенности артистовъ. Сценаріусъ два-три раза шедшей пьесы онъ вынулъ наизусть, речникъ у него выписывался на память,—сметливый, всякая, громъ, моланя, ступи и остящевіе разныя опереточныя табла онъ проводилъ всегда самъ, съ ответственноручю, никому не доверяя. Всю эту словную махинацію онъ дѣлалъ въ торопѣе,—медленно, съ парельящевъ шагая по узенькимъ проходамъ стараго театра. Страшно неважидѣнъ Бенцки «постороннему публикѣ», ходившему за кулисы. Въ то время (въ 70 годахъ) всегда и неждъ, вокругъ театра, ос-

бенно, когда давался оперетка, образовывался кружокъ «узнаивателей», проводившихъ болѣе времени за кулисами, въ уборныхъ, чѣмъ въ публичнй И, вотъ, яхъ-то, этихъ узнаивателей,—отъ которыхъ, мимоходомъ сказать, и зависѣли удачи матеріальнаго сезона,—Бенцки терпѣть не могъ и говорилъ имъ такъ въ глаза; но его знали и всѣ прощали его ворчанья мимо ушей.

Машинистъ или сторожъ отъ тринадцати лѣтъ началъ поощать задушевный миръ,—не въ качествѣ, впрочемъ, «узнаивателя». — и много перевелъ отъ Бенцки. Не отянулось тѣмъ, что отъ «самаго Вальнова» была приказъ «не трогать», Бенцки не разъ удалялъ меня въ-изъ кулисы, и меня спавало только заступничеству «первыхъ» артистовъ труппы.

Послѣ отъѣзда Вальнова, Бенцки служилъ, играя старыхъ слугъ, въ окрестныхъ городкахъ и теперь, какъ и слышалъ, убѣданный сдѣланна (по мнѣнію знакомца, Бенцки поддался къ 1838 году) рѣдизвергуетъ осветительныя кружки, служащихъ въ управленіи ростовско-вазандинавской г. д У Бенцкаго, насколько я помню, должна быть не болѣе, но тщательнъ подобравши театральная библиотека, среди которой есть пьесы, составляющія теперь библиографическую рѣдкость. Пользуясь случаемъ, чтобы попутно коснуться здѣсь дажно интересующаго меня вопроса о постановкѣ пьесъ по писаннымъ и переписаннымъ экземплярамъ. Когда все это производится съ пьесами равныхъ Масфальдовъ, Щеглявыхъ, Мясенцихъ и др. новѣйшихъ драмодѣловъ, то ясноеиенно въ перепишкѣ, думается мнѣ, можетъ послужитъ только въ подухъ пьесы. Но если ставится пьеса, отпавшю у насъ чуть не классическими, по писаннымъ и не прощиряемымъ съ оригиналомъ экземплярамъ, то подобное явленіе и назвало просто дерзостью. Приведу прѣмѣры.

Воталгіи помѣщикъ Сухово-Кобылинъ 50 лѣтъ назадъ нашолъ три пьесы, выдѣлавшихъ въ свое время много шума и давшихъ автору болѣе правоты, чѣмъ извровъ. Это именно: 1) «Свадьба Кречневскаго»; 2) продолженіе той пьесы—«Дѣло»;—пьеса, бывшая 40 лѣтъ въ явпрѣтѣ и только 10 лѣтъ назадъ развѣрнутой въ постановкѣ, подъ названіемъ «Тяжба».—(и 3) фантастическая комедія—«Смерть Тарелкина», иногда и явждъ не шедшая. Появленіе этихъ пьесъ въ свое время вызвало болѣеую полемическую перебранку между авторами и театральнор критикой въ Петербургѣ, и Сухово-Кобылинъ, для своей защиты, началъ свои произведенія отдѣльными изданіемъ, снабдивъ ихъ пространными предисловіемъ. Изданіе это вышло въ количествѣ 50 экземпляровъ и было предзнавено только для друзей автора. Послѣ этого г. Сухово-Кобылинъ никому не разрѣшалъ выдавать свои пьесы въ свѣтъ. И, вотъ, ставши пьеса «Свадьба Кречневскаго» по экземплярамъ, уже въ сотѣтъ, быть можетъ, разъ переписаннымъ, съ искаженіями, сдѣланнаыми важными переписчикомъ въ отдѣльности. Долго до того, что именныя даме имена дѣйствующихъ лицъ. У меня, въ мой домашней библиотекѣ, хранится, среди другихъ рѣдкихъ изданій, одинъ экземпляръ Сухово-Кобылинскихъ. Когда недавно гастролировали въ Ростовѣ артисты Петербургскаго Императорскаго Александрискаго театра, съ г. Варламовымъ во главѣ, то и раздобылъ тотъ пьесный экземпляръ пьесы, по которому шла у нихъ «Свадьба Кречневскаго», для сравненія съ моимъ печатнымъ оригиналомъ, и просто былъ пораженъ: добрая треть пьесы оказалась выписанной переписчиками своими словами!—Точно такая же участь постигла и другую популярную пьесу «Утомка свадьба». Лѣтъ 16 назадъ, въ Бердяевскѣ, въ труппѣ Полтавцаго ставились эта пьеса, относившаяся къ концу XVII столѣтія, и въ пьес-

ный текстъ ее, вытото свадебныя предѣлы того вѣка, вогладеиъ пьесникъ модныхъ изгладъ,—и въ такомъ видѣ пьеса шла на сценѣ! На сдѣланное мнѣ замѣчаніе режиссеру труппы Минскому о неумѣстности такихъ «предѣловъ»,—онъ, не смущаясь, отвѣдѣтъ въ явпрѣтѣ и только 10 лѣтъ назадъ развѣрнутой въ постановкѣ, подъ названіемъ «Тяжба».—(и 3) фантастическая комедія—«Смерть Тарелкина», иногда и явждъ не шедшая. Появленіе этихъ пьесъ въ свое время вызвало болѣеую полемическую перебранку между авторами и театральнор критикой въ Петербургѣ, и Сухово-Кобылинъ, для своей защиты, началъ свои произведенія отдѣльными изданіемъ, снабдивъ ихъ пространными предисловіемъ. Изданіе это вышло въ количествѣ 50 экземпляровъ и было предзнавено только для друзей автора. Послѣ этого г. Сухово-Кобылинъ никому не разрѣшалъ выдавать свои пьесы въ свѣтъ. И, вотъ, ставши пьеса «Свадьба Кречневскаго» по экземплярамъ, уже въ сотѣтъ, быть можетъ, разъ переписаннымъ, съ искаженіями, сдѣланнаыми важными переписчикомъ въ отдѣльности. Долго до того, что именныя даме имена дѣйствующихъ лицъ. У меня, въ мой домашней библиотекѣ, хранится, среди другихъ рѣдкихъ изданій, одинъ экземпляръ Сухово-Кобылинскихъ. Когда недавно гастролировали въ Ростовѣ артисты Петербургскаго Императорскаго Александрискаго театра, съ г. Варламовымъ во главѣ, то и раздобылъ тотъ пьесный экземпляръ пьесы, по которому шла у нихъ «Свадьба Кречневскаго», для сравненія съ моимъ печатнымъ оригиналомъ, и просто былъ пораженъ: добрая треть пьесы оказалась выписанной переписчиками своими словами!—Точно такая же участь постигла и другую популярную пьесу «Утомка свадьба». Лѣтъ 16 назадъ, въ Бердяевскѣ, въ труппѣ Полтавцаго ставились эта пьеса, относившаяся къ концу XVII столѣтія, и въ пьес-

мы раньше ничего подобнаго не видѣли. Болѣе талантливаго артиста я еще не встрѣчалъ, и если-бы не злой недугъ, погубившій немъ семью Путаго, теперь,—именно теперь,—такъ какъ Путаго умеръ совсемъ еще молодымъ человекомъ,—Россиа имѣла-бы, быть можетъ, новаго Мочалова.

У Путаго погизилъ нъ то дѣто братъ, молодій человекъ, бывший судобный следователъ, страдавшій такими же умопомѣшательствами. Жаль было ему трѣтъ изъ этого статнаго, красиваго человека, расхаживавшаго цѣлые дни по аллеямъ городского сада, въ блѣдой блѣзкой рубашкѣ, плавсовыхъ штанахъ, съ длинноручи и съ большою картонкой на груди, гдѣ большими буквами было выпечатано: «мяо для бѣдѣтисна». Вспоминаю и о немъ по поводу слѣдующаго рязговора, хотя къ театру и не относящагося, но до сихъ поръ не выходящаго у меня изъ головы и слышаво мною подслушаннаго. Ростовъ порывалъ нѣто Файзушевичъ, также умопомѣшательствомъ. Не знаю—какими судѣбами Путаго и Файзушевичъ познакомились, но очень часто изъ встрѣчави видѣтъ, мирно бесѣдующими. (Дважды мнѣ нужно было быть на репетиціи. Было еще рано. Я ушелъ на галлерей старор ротонды, а явную, въ дикимъ живоградоу, ушелъ оба помѣшавные, не видя меня. Разговору разсыла ови о предполагаемой прогулкѣ пѣшкомъ въ Ночочевскіа, и—не знаю уже, по какому поводу—разговору конулся того, что Путаго сказалъ Файзушевичу:

— Мнѣ ли чѣмъ я уже не былъ на сценѣмъ вѣку! Не былъ я только жрецомъ, впрочемъ и псалмистъ.

— А чѣмъ-бы вы хотѣли быть, если-бы вамъ предложили на выборъ одну изъ этихъ профессій?—спросилъ Файзушевичъ.

— Ну, конечно, палачемъ, рѣшительно отвѣтилъ Путаго.

— Какъ!—присовѣчалъ съ своего

мѣста, приславившъ Файзушевичъ.—Вы—палачемъ! Рѣзать людѣй! А?

Конечно,—тихо, но еще болѣе рѣшительно сказалъ Путаго.—Что-бы и такое выдѣлать, будучи палачемъ? Ну, убилъ бы 20-30-40, наконецъ, чедовѣкъ въ всю жизнь!.. А сколько живей убилъ-бы я вравственико, будучи жрецомъ, или финиески, будучи вичемъ!

Уже почти въ концѣ сезона, у насъ разсыралась такая штука, о которой долго потомъ говорили въ городѣ. Служавъ тогда въ труппѣ молодой подвѣданный любовникъ и протекъ С. (вѣсь провинціальная вѣстовость, стоившій во главѣ артистическаго товарищества въ одномъ изъ губерскихъ городковъ нго-вазанднаго края). Въ своей бенефисъ онъ поставилъ только-что появившаюся пьесу «Женитьба Блугуина» и, въ наждиченіе, подвѣдывъ подѣ sensationнаго для Ростова и названнаго: «Свадьба въ номерахъ Щолокова»,—очч. бенефицианта. Въ девѣ спектакля ко мнѣ явился Яшка, ричиславый видъ театра, съ запиской отъ С. съ просьбой:—дать ему на вечеръ мое лѣтнее платье, въ которомъ я подѣ стола, выдѣлавъ режиссеру типично артистическаго, архитектору (найдѣтнй тогда въ городѣ своимъ скалдѣцкими похождениями), новая-то цирковая найдѣцаца и пр. Вообще, это были бенефициарные, по и Щолоковъ обидный фарсъ, написанный ради сбора. Публика на явалъ—куда равные смотрѣтъ: на сцену-ли, на редактора, архитектора или на мѣнцъ,—всѣ мы были въ театрѣ. Положение было не солитъ удобное, но сглаживавшееся оно только благодаря общему веселому настроенію.

Долго послѣ этого мнѣ было неважно протодитъ по аллеямъ сада, гдѣ чуть-ли не громко повторялось фарсъ мнѣ воденнаго: «Свадьба въ номерахъ Щолокова».